

С. Галданов.

Правда победит...

Б. „главковерх“ Керенский на страницах своего журнала время от времени разрешается статьей против национально-освободительного движения народов СССР. На этот раз он разрешился статьей („Дни“, ном. 41) о „превращении“ Мустафы Чокаева, известного туркестанского общественно-политического деятеля.

Конечно, Керенский пускает в ход всю свою диалектику, чтобы убить „самостийность“, но, по странной иронии, как бы на зло чаемой им России и в насмешку над самим собою, своими выступлениями он помогает самостийному движению.

Он в паническом страхе утверждает о „возрождении и усилении наступательного сепаратизма на рубежах парализованной большевиками России“, каковое, совершенно верное утверждение, само по себе является помощью самостийному делу. Эти страшные рубежи им обозначаются: Варшава-Кабул-Токио, на котором выросло огромное народное освободительное движение и которое Керенский желает раздавить печатными страницами „Дней“. Не успел он определить эти географические пункты, как ныне „к трем названным городам прибавился еще Харбин“.

На этом огромном пространстве, народы его населяющие, ведут национально-освободительную борьбу. В унисон с чаяниями и желанием „тамошних“ своих собратьев, здесь, в эмиграции, представители этих народов развивают и проповедают идею освобождения своих народов. Между всеми этими народами, без предварительного сговора, создается единый фронт против советско-Московской власти, единое понимание, единое устремление. Движение это ширится и укрепляется...

Казалось бы, такое огромное всенародное движение требует к себе серьезного отношения со стороны лиц, претендующих на политическое лидерство.

Но, так как серьезных доказательств против этого движения нет, то против-самостийники ограничиваются голыми утверждениями: Украина? — Наша! Казачество? — Наше! Кавказ? — Наш! „Грузино-армяно-азербейджанское Закавказье“? — Наше! „Чувашско-мордовско-немецко-калмыцкое Поволжье и Заволжье“? — Наше! „Татарская Казань“? — Наша и т. д. и т. п. И никаких разговоров, ибо мы — „великий русский народ“, „шапками закидаем“, лаптями истопчем... Кто против этого, тот расчленитель России. Во имя „Великой России“ вы, народы все должны пожертвовать своими малыми „уездными“ интересами...

Все же, несмотря на полное отсутствие у русских „патриотов“ чувства объективности, сам факт существования национально-освободительного движения на всем вышеуказанном огромном пространстве слишком бьет в глаза. Но и этому люди со слишком развитой „продавательно-покупательской“ психологией находят очень упрощенное объяснение. На первом ряду таких господ, конечно, стоит никто иной, как „сам“ Керенский, который все время утверждает, что все эти народы „продались“ „первому маршалу“...

Это самое упрощенное объяснение, самый кустарный аргумент, но, за неимением лучшего, за него упорно цепляются люди, старательно закрывая глаза на все остальное. Керенский надрывается, взывая „к русскому чувству“, пытаясь создать новую „керенщину“, т. е. обратного направления, ибо прошлая „керенщина“ слишком неприятна для него самого. Троцкий видит исторический смысл прошлой „керенщины“ в том, что „на ее спине власть перешла от буржуазии к пролетариату“. За это „Дни“ ужасно рассердились и, забыв все неприличное говорить о веревке в доме повешенного, восклицает: „Таков удел всякого бывшего политического деятеля, очутившегося на положении отработанного пара истории“.

Теперь, видимо, Керенский старается, чтобы на его спине произошел обратный процесс. Выдержит ли спина?

Несмотря на очевидный факт стихийного роста и развития национально-освободительного движения народов СССР, „русские люди“ с упорством, достойным

лучшего применения, твердят, что все это делается на деньги каких-то „врагов“ России, ибо интересы „неисторических“ народов для них не существуют. Жалко таких людей, у которых все внимание, вся мысль сосредоточена на деньгах и которые так слепо уверовали не в силу идеи, а в силу золота. Мы же, рискуя показаться смешными, остаемся при убеждении, что без творческой живой идеи, исходящей и покоящейся в глубинных истоках народной жизни, никакими деньгами, никакими золотыми горами никакого народного движения, какое имеется сейчас на вышеуказанном пространстве, создать нельзя. А один факт существования народных движений от Днепра до далекого Востока является ярким подтверждением нашей веры и красноречивым опровержением „теории“ о „купле“ и „продаже“.

Этот очевидный факт, повидимому, и послужил причиной „прогресса“ г. Керенского, который в последнем номере своего журнала сделал знаменательное признание, а именно: самостийное движение не является результатом „покупки“ кем-то кого-то, а подлинным желанием, стремлением всех тех народов, входящих в состав СССР, против освобождения которых от власти большевиков так рьяно борется Керенский.

В последнем ном. „Дней“ он пишет о „превращении“ Мустафы Чокаева.

Оказывается „Чокаевское превращение в сепаратисты произошло совсем недавно и именно по требованию его единомышленников, не эмигрировавших, а оставшихся в Туркестане“. Оказывается, Чокаев приходил к Керенскому и честно заявил: „Ко мне на одну из границ приезжали друзья оттуда и по их настоянию я не могу больше работать в единение с российской демократией во имя федерации. Туркестан требует полного отрыва от России“.

Это бесспорное доказательство о всенародном, стихийном характере самостийного движения выбивает из рук Керенского его „продавательно-покупательский“ аргумент и он теперь категорически заявляет, что настоящими сепаратистскими агентами являются „большевики и только большевики“.

Какой же отсюда вывод для русского человека, желающего удержать народы в лоне будущей России? — Устранить эту основную причину центробежных устремлений.

Казалось-бы так, казалось-бы, единственно-правильный вывод: беспощадная борьба с большевиками и во что бы то ни стало скорейшее их свержение. Оказывается, по Керенскому не так.

Он призывает „русским людям“ преодолеть „в себе опасный соблазн новой смуты на рубежах России ускорить падение большевизмской диктатуры в ее центре“...

Так б. „главковерх“ бьется в безвыходных противоречиях: с одной стороны, большевики — злейшие враги русского народа, подлинные и единственные пособники самостийников, а с другой — бороться с ними не надо.

Желание народов СССР, исключая великорусского, действенной борьбой свергнуть и освободиться от большевиков, Керенский рассматривает, как покушение „против целостности России“. Он горячо возражает против тех, кто большевиков называет „новейшими собирателями земли русской“, но тут же своим горячим призывом „преодолеть в себе опасный соблазн... ускорить падение большевизмской диктатуры“... он признает большевиков, если не собирателями „земли русской“, то по крайней мере, хранителями „исторической России“.

Желая убить „изменника Чокаева“, Керенский совсем уже напрасно говорит, что „русские порядки... были для местного туземного населения и в Туркестане, и в Закаспии и в киргизских степях настоящим благостным откровением, настоящей освободительной революцией“, чему доказательство он видит в том, что русские чиновники могли безоружно свободно разезжать по киргизским степям. Об этом „благостном откровении“

лучше знают сами, т. н., инородцы Туркестана, Закаспия. Об этом мог бы знать и г. Керенский, прочитав хотя бы одну книгу, например, Ташкин: „Инородцы Приволжско-Приамурского края и Сибири“. Тогда он был бы более осторожен в своих утверждениях.

Только напрасно он, Керенский, отождествляет „русские порядки“ с русской культурой и упорно пытается выставить самостийников ненавистниками русской культуры.

Всем известно напр., что русская культура у самих же русских не пользовалась должным уважением, признанием. Величайших ее творцов „русские порядки“ подвергали жестокому гонению, ссылали на каторгу, осуждали на смертную казнь. А ныне те же „русские порядки“ лучших представителей этой культуры истребили или изгнали, а творения их сжигают на костре.

Известно также, что до „туземного населения и в Туркестане, и в Закаспии и в киргизских степях“ доходили больше „спутники“ русской культуры в виде русских губернаторов, полицейских приставов и полицейских урядников с бесплатными приложениями: „русская“ водка, всевозможные „русские“ болезни и т. п. Ныне там русская культура олицетворяется в образе „русского“ комиссара, „русского“ красноармейца...

Кровью и железом были завоеваны все эти народы и в течение веков жестоким насилием они держались в повиновении России.

Правда, русская интеллигенция „обещала“ народам, когда придет к власти, „свободу, равенство и братство“, но теперь, когда после величайшего переворота и прихода к власти самых радикальных, теоретически совершенно свободных от русского национального шовинизма, элементов „русские порядки“ во сто крат ухудшились; когда в совершенно свободных условиях другая часть этой интеллигенции, в лице хотя бы того же самого Керенского, добровольно собирается возложить на себя роль всероссийского жандарма, тогда, естественно убивается для всех „инородцев“ последняя наде-

жда найти лучшее будущее под крышей России и остается для них единственный путь, путь самостоятельной, независимой народной жизни. На этот путь они все теперь и стали.

Спрашивается — каким же архи-миллиардером „куплены“ все эти народы, ныне нечеловеческим стоном стонущие под жесточайшим игом красной Москвы? — Ценою многовекового и тяжкого опыта на собственном своем горбе, ценою потоков крови и слез народы эти пришли к этому сознанию и стали на этот путь. Никакими грязными догадками, никакими истерическими выкриками и воплями это действительно народное движение не убить!

Правда жизни на стороне этих народов. Они борются за свою правду, за право жить на земле наравне с „великими народами“, за право свободно дышать воздухом земли, на которой они родились.

И рано или поздно, но правда победит.

Керенский для оправдания своей „борьбы“ против освобождения народов от большевической власти и усиления их вины, прибегает к фальшивому утверждению. Так, он пишет: „Диктатуру большевиков со всеми ее гнусностями... создали на паях представители всех народов и племен российских — всех без исключения“.

Вставив слово „представители“, Керенский пытается свалить вину в укреплении и утверждении большевической власти на все народы. Но это утверждение лишь словесная игра. В действительности всем известно: „все народы“ с оружием в руках до последней возможности боролись с большевиками и только один „великий“ великорусский народ, действительно поддержал, возвеличил, укрепил и до сих пор поддерживает большевиков.

Нет, г. бывший „глаквоверх“, жизни вам не заговорить, освободительного движения народов не раздавить и Правды, как и Справедливости не убить...

Народы, а в том числе и Казачество, проснулись, пробудились и рвутся к свободе. И они рано или поздно, но свободными будут.

П. И. Кокунько.

Я. Г. Кухаренко и переселение Черноморцев за Кубань.

(Очерк.)

Гл. I.

Имя Я. Г. Кухаренко связано с одной из трагических страниц истории бывшего Черноморского Войска, так грустно отразившейся на памяти этого выдающегося по своим способностям человека.

Недавно, благодаря стараниям Кубанского Союза в Праге, вышла из печати книжка „Збірник творів Я. Кухаренко“ с приложением кратких биографических сведений об ее авторе. В этом кратком очерке, между прочим, говорится, что, будто-бы на семью Кухаренко было наложено какое то запрещение, по которому сыновья его не имели права вступать в брак (с целью прекращения этого рода). Это не совсем верно. В жизни Якова Герасимовича не было ничего такого, что могло бы вызвать такое из ряда выходящее мероприятие. Да и фактически это не оправдывается. Яков Герасимович имел четырех сыновей и все они были женаты.

Старший, Степан Яковлевич, женился где-то в России и мужского потомства не имел. Две дочери его, Хлюстина и Конради, здравствуют и поныне. Третий сын, Николай, был женат на Арцышевской и четвертый, Вячеслав, на Шарап. Оба последние никакого потомства по себе не оставили. Дольше всего оставался холостым второй сын его, Александр, женившийся уже в старческом возрасте. Причина такого позднего брака Александра Яковлевича чисто его личного, интимного характера, касаться которой считаю неуместным.

Как бы то ни было, а род Якова Герасимовича действительно прекратился, мужского потомства не осталось. Быть может это обстоятельство и послужило основанием для легенды о запрещении продолжения

рода одного из лучших Наказных Атаманов Кубанского Войска и при том, природного своего казака.

В этой легенде видна тенденция как бы идеализировать патриотизм Я. Г. Кухаренко. Едва ли есть необходимость в этом, тем более, что он и не был таким патриотом фанатиком, как, быть может, многим представляется это в настоящее время. Женатый на не казачке, урожденной Стасенко (Ставропольской губернии), он и двух дочерей своих выдал за армейских офицеров — Лыкова и Иогансон. Это обстоятельство указывает на то, что степень патриотизма Якова Герасимовича не достигала той степени brutality, при которой все должно сгибаться в дугу перед его требованием и убеждением. Тем не менее это был действительно казак душой и сердцем и кубанцы, особенно черноморцы, должны быть весьма благодарны пражской организации, вспомнившей одного из лучших сыновей казачества, так жестоко пострадавшего за свой казачий патриотизм, непонятый и нецененный современниками.

Яков Герасимович Кухаренко был настоящим батком-Атаманом Черноморского Войска. Старые порядки и воляности Запорожья еще свежи были в памяти многих, были живы и свидетели их. Отношение его к казакам и последних к нему еще носило признаки старого патриархального порядка, за которые цепко держалось тогдашнее казачество и которые так не по душе были высшему кавказскому начальству. Это начальство всеми силами старалось завести общие российские порядки среди не только строевых частей, но и в гражданском управлении Черноморского Войска. С этой целью оно старалось по возможности больше внедрить среди казачества чиновников неказачков. Все Атаманы Черноморские до Кухаренка боролись с этим, боролся и